

УДК 316.35:39

ББК 60.524.56

К 89

Е.С. Куква

Общероссийская идентичность в полиэтничном регионе

Аннотация:

Статья посвящена характерной для полиэтничного региона многоуровневой идентичности и анализу места и роли общероссийской идентичности в указанной иерархии. Являясь официальным типом, российская гражданская идентичность несет в себе большой интеграционный потенциал.

Ключевые слова:

Идентичность, макросоциальная общность.

Одной из отличительных черт социокультурной идентичности в полиэтничном, поликультурном социуме является ее многоуровневый, многослойный характер. Данное явление объясняется наличием целого ряда объектов идентификации, которые в различных социальных контекстах, могут как совпадать, так и конкурировать. Речь идет о таких уровнях идентификации как субэтнический, этнический, суперэтнический, региональный, наднациональный.

Идентификация и ее формы – личностная и групповая – предполагает отнесение, отождествление себя с какой-либо реальной общностью, либо устоявшимся в коллективном сознании образом общности (полипарадигмальная интерпретация, вобравшая примордиальное и конструктивистское основания). Элементы многоуровневой конфигурации идентичности не исключают друг друга. Они находятся в состоянии горизонтальных и вертикальных связей (по М. Веберу), которые обозначены нами как обыденные и официальные идентификации. Субэтническая, этническая, суперэтническая, локальная идентификация – это горизонтальные связи. Республиканская и гражданская солидарности – вертикальные, так как основываются на государственно-правовых механизмах. Природа вертикальных связей вторична по отношению к горизонтальным: требовалась институционализация этничности и легитимация российской нации (вместо существующей ранее более крупной наднациональной общности – советский народ). Однако, несмотря на разноразрядность (примордиальную и политико-символическую) их расположение в единой иерархии вполне оправдано (хотя сама иерархия достаточно условна, ее ключевой критерий – размер общности).

Идея многоуровневой идентичности не нова в социальном, психологическом, гуманитарном знании. Одним из отправных посылов можно считать концепцию «идентификационной матрицы» С. Московичи, согласно которой идентичность человека представляет целый набор различных отождествлений. Распределением информации в матрице руководит доминирующая в данный момент идентичность или группа идентичностей, и это определяет соответствующий угол зрения на мир. Другим ориентиром будет признание множественной идентичности как признака широты круга социальных принадлежностей индивида, разнообразия структуры его жизнедеятельности¹. Таким образом, многоуровневая идентич-

ность является частным случаем множественной идентичности, или множества идентичностей (М.Н. Губогло).

С точки зрения нахождения социальных групп различной степени общности в обозначенной многоуровневой конфигурации идентичности, этническая идентичность видится нами одним из наиболее инвариантных состояний. Тем не менее, исследования фиксируют устойчивость и многоуровневой идентичности, сопряженную с актуализацией того или иного класса идентификационной иерархии в различных контекстах социальной реальности.

В частности, можно говорить об общероссийской идентичности. По словам Ч. Тэйлора, современное демократическое государство требует наличия «нации» с очень сильной коллективной идентичностью². Наличие данного уровня в конфигурации идентичности является базовым фактором развития гражданской нации и определяется рядом существенных признаков.

Для выявления специфики идентификации с данной общностью в рамках многоуровневой идентичности интересен следующий взгляд на виды идентификации с нацией. «Первый – осознанные чувства, для которых нация является объектом активной привязанности, а второй – повседневные практики и взаимодействия, которые порождают глубокое ощущение принадлежности, ощущение того, что ты «дома». (Дж. Борман)³. При таком понимании естественным, первичным, более привлекательным, более стабильным является второй способ идентификации, а первый есть способ выражения соотношения государства и его подданных через институт гражданства основанное на патриотизме.

В связи с этим по предпринятой нами типологии общероссийская идентичность, так же, как и республиканская, отнесена к официальному типу. Это объясняется политической составляющей – идентификацией с политическим объектом – государством. Данный уровень может быть также отнесен к обыденному типу в связи с тем, что идентификация с российской нацией включает и цивилизационный компонент (российская цивилизация). Таким образом, как отметила К. Вердери, национальная идентичность существует на двух уровнях: на уровне индивидуального чувства национальной принадлежности и на уровне идентичности коллективного целого по отношению к подобным ему другим⁴.

Общероссийская идентичность, являясь типом макросоциальной идентичности (по типологии М.Е. Попова),

выступает как надэтническая и представляет собой структуру самосознания, соединяющую субъективно осознаваемые и переживаемые общечеловеческие ценности, государственные и общекультурные символы, социально-политические установки, отношения, оценки и нормы надэтнической общности, которые определяют место личности и общности в пространственно-временном континууме культуры. С одной стороны, она синтезирует социокультурную идентичность сообщества граждан, этнические идентичности и политическую связь с государством, базируясь на принципах согражданства (в контексте этатистской концепции нации); с другой стороны, структурирует социокультурную идентичность в мировое сообщество⁵.

Отправным моментом для нас является представление о нации К. Вердери как основном «операторе всеохватывающей системы социальной классификации», имеющем два аспекта – политического и символического (идеологического) порядка, с одной стороны, и мира социального взаимодействия и чувства с другой⁶. Таким образом, степень консолидации на данном уровне зависит от двух переменных: политической и социокультурной и имеет надэтническую природу. Рассмотрим оба аспекта.

В научной литературе сформировалось два подхода к пониманию нации. Классик националистического дискурса Э. Хобсбаум определяет два принципиальных смысла нации в Новое время: как отношение, известное под названием гражданства, в рамках которого нацию составляет коллективный суверенитет, основанный на общем политическом участии, и отношение, известное как этничность в рамках которого в нацию включаются все те, кого предположительно связывают общие язык, история или культурная идентичность в более широком понимании⁷.

Этатистская интерпретация нации (западная, французская модель) оперирует понятиями «нация – государство», «гражданская нация». В этом случае нация «понимается политически» и образуется на основе существующего государства⁸. Этнонация (восточно- или средневропейская модель) понимается исходя из позиции, что государства и нации выросли из этнического сообщества (И. Горовиц, У. Коннор).

По мнению Э. Смита, гражданский подход к понятию нации редко бывает естественной идеологией всего общества. Ее, как правило, отстаивают правительство, политические элиты и этническое большинство. Меньшинствам же присуще этническая трактовка нации, особенно когда возникает угроза существованию общества или утрата культурных символов. Поэтому каждая нация содержит в себе элементы как гражданско-территориальной, так и этнической общности⁹.

Данная мысль в большей степени применима к российскому опыту осмысления нации. В. Тишков предложил использовать понятие «многонародная нация» вместо понятия «многонациональный народ»¹⁰. Политичность является важным фактором в пользу этой трактовки нации. У. Альтерматт резюмировал, что чем больше общество становится действительно поликультурным, тем быстрее концепция государственной нации превращается в категорический императив¹¹.

Большинство специалистов утверждают, что гражданская идентичность в России пока еще не сложилась ни на культурно-ценностном, ни на институциональном уровне. А ориентация на нее, закреплённая в основном законе, объединяющая весь многонациональный народ страны, слабо воспринимается не только в массовом сознании, но и в элитарных кругах. По мнению В.Ю. Сухачева, «социальный ландшафт со смутным силуэтом «россиянина», идентификационная размытость которого переходит в расщепленное состояние, во многом определяет конфликт... и не на российском пространстве, а в душах людей»¹². Однако ряд исследований показывают, что вслед за этнической общероссийская гражданская идентичность имеет относительно более высокие показатели.

Взгляд на общероссийскую идентичность через призму ее социокультурных, цивилизационных оснований выявляет две доминирующие черты образа России. Внутренняя составляющая образа соединяет представления о стране, соединяющей европейские и азиатские начала, большой, богатой культурным наследием и ресурсами, которыми гордятся, с представлением о пограничном достоинстве, потерях и ущербах от революций, войн, неразумной перестройки. Внешняя компонента образа – нахождение на стыке Западной и Восточной цивилизаций, геополитическая составляющая: положение в мировом сообществе¹³.

В связи с этим Л.М. Дробижева утверждает, что для формирования общероссийской идентичности необходимы сильные внеэтнические идеи. Защитная идея – сохранение в стране природных ресурсов, прагматичная идея – осторожное отношение с Западом¹⁴.

В свете изложенных представлений об общностях – объектах идентификации в иерархии идентичностей встает вопрос о соотношении всех уровней идентичности, их взаимовлиянии, либо отторжении. На наш взгляд, теоретическая интерпретация данной проблемы будет найдена в русле интегрального подхода к нации: сближения этнических и гражданских доминант.

Если принять согражданство и этнонацию за полюса двух тенденций – интеграции и диверсификации, то признание взаимодополняемости общегосударственного и этнического уровней выглядит как фактор «самобытной интеграции», не связанный с унификационными тенденциями. Помимо интегративной функции многоуровневая идентичность обладает потенциалом для демократизации на региональном и государственном уровнях¹⁵.

Примечания:

- ¹ Кон И.С. Проблема «Я» в психологии // Психология самосознания. Хрестоматия. – Самара, 2000. – С. 55.
- ² Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. – М., 2002. – С. 18.
- ³ Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Баур. – М.: Хрох и др. – М., 2002. – С. 301.
- ⁴ Цит. по: Вердери К. Указ. соч. – С. 300.
- ⁵ Попов – М.Е. Антропология советскости: философский анализ: Автореф. дисс. канд. филос. н. – Ставрополь, 2004. – С. 19.
- ⁶ Вердери К. Указ. соч. – С. 297.

- ⁷ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. – СПб., 1998. – С. 18-20.
- ⁸ Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. – М., 2000. – С. 37.
- ⁹ Smith A. Theories of Nationalism. – L., 1986. – P. 149.
- ¹⁰ Тишков В.А. Этнология и политика. – М., 2001. – С. 142.
- ¹¹ Альтерматт У. Указ. соч. – С. 120.
- ¹² Сухачев В.Ю. Указ. соч. – С. 174.
- ¹³ Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. – М., 2003. – С. 362.
- ¹⁴ Там же. – С. 364.
- ¹⁵ Боров А.Х., Битова Е.Г. Проблема демократизации и политической реконструкции в Северокавказском регионе: методология анализа // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1998. – №2. – С. 57.